

МУЧЕНИЧЕСКИЙ И ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ МОГИЛЕВСКИХ СВЯТИТЕЛЕЙ XX ВЕКА: ФЕОДОСИЯ (ВАШИНСКОГО), СШМЧ. ПАВЛИНА (КРОШЕЧКИНА) И АЛЕКСАНДРА (РАЕВСКОГО)*

иерей
Феодор КРИВОНОС

Белгосуниверситет (исторический факультет)—1985, Минская Духовная Семинария—2001, бакалавр богословия.

В начале XX столетия, незадолго до известных социальных бурь и военных лихолетий, в Могилеве, являвшимся одним из крупнейших епархиальных центров дореволюционной Белоруссии, был возведен новый православный храм, освященный во имя Трех Святителей—Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Сегодня он действует в качестве кафедрального собора Могилевской епархии и представляет собой редкий пример храма, уцелевшего в водовороте тех потрясений, которые пережило наше общество в XX веке. Этот храм стал последним монументальным культовым сооружением из построенных в Могилеве до революции.

Есть нечто знаменательное в том, что он освящен в честь трех вышеупомянутых Святителей, живших на заре утверждения веры Христовой в древнем мире. Их богословское наследие навсегда вошло в сокровищницу Святой Церкви, духовно обогатив многие народы мира, среди коих и наши предки. Могилев, даже в самые тяжелые латино-униатские времена (XVII–XVIII вв.), всегда являлся твердыней Православия, достойнейшими столпами которого и поныне остаются каппадокийские отцы и Св. Иоанн Златоуст. Глубокие различия в богословских традициях между Западом и Востоком проявились уже при их жизни. Протоиерей Иоанн Мейендорф в связи с этим писал: «В Западном богословии учение каппадокийских отцов не было воспринято с полным пониманием... На Востоке их богословие стало основополагающим в православном учении о Св. Троице... Каппадокийская интуиция—от Троицы к единосущию, унаследованная всей восточно-христианской традицией, в

*Речь на годичном Акте Минской Духовной Семинарии 12 февраля 2002 г.

корне отличается от современного западного понятия о Боге. Средний западный христианин (в особенности протестант)... верует в Бога вообще, но утверждение Его троичной природы как Отца, Сына и Духа считает ненужным умствованием и пережитком прошлого... Различие между этими двумя подходами можно охарактеризовать как различие между рациональным, абстрактно-философским пониманием Бога и истинно-христианским, т.е. библейским, опытным, можно даже сказать мистическим...»¹ И далее, продолжая эту же мысль, отец Иоанн отмечал: «...наша вера основывается на личном опыте встречи с Христом, Сыном Божиим, мы веруем в личного, живого Бога, а не в философские формулы убеждения»².

Своеобразной защитой этого опыта богообщения и той традиции, которая делает его возможным, явилась многовековая история Православия в Его противостоянии Римо-Католицизму. В Белоруссии, в силу особого географического положения, это противостояние проявилось с особой силой.

Драматической апологией живой веры в Господа Иисуса Христа стало, также, недавнее прошлое Русской Православной Церкви XX века, когда ради сохранения своих убеждений, подражая Спасителю, на Голгофу взойшли сотни и тысячи новомучеников и исповедников, пострадавших от тех которые вознамерились построить рай на земле.

В послании Св. Ап. Павла к евреям находим такие слова: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

Обращаясь к событиям церковной жизни XX ст., хотелось бы вспомнить сегодня о трех архиереях, занимавших Могилевскую кафедру в период с 1929 по 1937 г.: Феодосии (Ващинском), Павлине (Крошечкине) и Александре (Раевском). Все они были достойны только что прозвучавших апостольских слов. Их имена

навечно вошли в историю Могилевской епархии, как имена людей, с мужеством истинных архипастырей Святой Православной Церкви встретивших все испытания на своем тернистом жизненном пути. В тяжелейшее время репрессий, они разделили с народом его скорби и радости, которые Промыслом Божиим были уготованы любящим Господа в те сложные трагические годы.

Один из этих архиереев—Священномученик Павлин—ныне канонизирован. Два же других, по-прежнему ожидают своего часа прославления.

Епископ Могилевский Феодосий (Ващинский) первым стоит в ряду пострадавших владык в нашем списке. Он относится к числу архиереев Русской Православной Церкви довоенного периода, о которых из имеющейся ныне литературы известно крайне мало. Поэтому его образ мы восстанавливаем пользуясь архивными данными.

В большинстве изданий, содержащих мимолетные упоминания о епископе Феодосии, неправильно указывается его фамилия. В «Актах Св. Патриарха Тихона...» М. Губонина, трудах Л. Регельсона, прот. Владислава Цыпина и некоторых других он фигурирует как Вошчанский.³ В предисловии к книге игумена Никона (Воробьева) «Нам оставлено покаяние» он упоминается как епископ Феодосий (Защинский).⁴ В другом предисловии, предваряющем кандидатское сочинение прот. Михаила Буглакова о Св. Георгии Конисском, владыка Феодосий называется Ващанским.⁵ Правильно указывается фамилия могилевского епископа-новомученика и в книге «Их страданиями очистится Русь», где приводится список православных архиереев, побывавших в заключении до 1 марта 1930 года.⁶ То же самое следует сказать относительно исследования прот. Николая Доненко «Наследники Царства».⁷ Как Ващинский упоминается епископ Феодосий во всех документах «следственного дела», которое нами проматривалось и изучалось.

Владыка Феодосий (в миру: Димитрий Васильевич Ващинский) родился 14 мая 1876 г. в Китай Городе Полтавской губернии в семье учителя. Детство будущего епископа прошло мирно и тихо. Родители воспитали его в духе любви к Богу и Святой Православной Церкви. После окончания Полтавской Духовной Семинарии молодой Димитрий Ващинский был рукоположен во иерея и с 1897 по 1912 г. служил на приходах Полтавщины, вначале — в церкви с. Еремичи; затем — в храме с. Остапье; и, наконец — в церкви, находившейся в районе Подольских хуторов, Хорольского уезда.

В этот период времени страсти человеческие взяли свое, и он как и многие другие представители духовного сословия дореволюционной России, оказался далек от духовной, молитвенной жизни; служил Богу, но не забывал и о земном. Позднее, будучи епископом он вспоминал, что имел в те годы в хозяйстве 22 десятины земли, 4-5 лошадей, 2 коровы. Ежегодно получал дохода от ведения хозяйства 500-600 пудов пшеницы. Как человек гостеприимный, не чуждавшийся развлечений, отец Димитрий очень часто собирал у себя дома сельскую интеллигенцию, а также местное духовенство, устраивал чаепития, выпивал с друзьями чего и покрепче, играл в карты... Казалось, что подобного рода жизнь никогда не кончится, но в 1910 г. случилось непоправимое — неожиданно умерла его матушка... Как гром среди ясного неба поразила эта смерть священника. Еще два года он оставался на приходе, но уже не устраивал никаких гуляний. Скорбь и плач каждодневно наполняли его сердце... Осознав свой грех перед Богом, отец Димитрий раздал все свое имущество нуждающимся и в 1912 г. уехал в Казань, где решил продолжить свое образование, поступив в Духовную Академию. Так для него началась новая жизнь.⁸

После окончания Академии, в 1916 г. отец Димитрий был назначен преподавателем богословских предметов в Черниговскую Духовную Семинарию. В ней он прослужил до июня 1918 г. В отношениях со

студентами он всегда держался строгих правил, но был справедлив и внимателен к людям, за что любим учащимися. В сентябре 1918 г. его избрали смотрителем Черниговского Духовного Училища, но уже в январе 1919 г., с приходом в Чернигов Красной Армии, отец Димитрий был лишен возможности возглавлять училище, т.к. все духовные учебные заведения в Чернигове были закрыты.

С апреля 1919 г. отец Димитрий служил священником в церкви с.Вересочье, бывшего Нежинского уезда. С 1922-го до 1926 г. являлся настоятелем Васильевской церкви г. Нежина. Здесь, в Нежине, ему пришлось выдержать упорную борьбу с нарождавшимся обновленчеством. Оставаясь верным Святейшему Патриарху Тихону, он сумел не допустить широкого распространения обновленческого раскола на Нежинщине. Его несколько раз арестовывали и однажды, арестовав, отправили в Харьков в распоряжение ГПУ Украины. Однако доказать что-либо преступное в его действиях не смогли и в очередной раз освободили.

Деятельный, смелый священник, занимавший позицию решительного неприятия обновленчества, выделявшийся природной смекалкой и хорошим образованием, отец Димитрий вскоре обратил на себя внимание Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), который 3-го августа 1926 г. совершил в одном из храмов Нижнего Новгорода его монашеский постриг с именем Феодосий; а 5-го августа того же года, по избранию Украинского епископата и духовенства г. Конотоп новопостриженный архимандрит Феодосий был хиротонисан митрополитом Сергием во епископа, с назначением на Винницкую кафедру.⁹

По словам прот. Николая Доненко, автора книги «Наследники Царства», избрание и хиротония Феодосия (Ващинского) были совершены «конспиративно, без предварительного оповещения властей»¹⁰.

В Виннице владыка Феодосий пробыл всего лишь две недели. За стремление «погасить» обновленчество в Подольской епархии, кафедральным центром которой являлась Винница, он был вызван в Харьков и 10 октября 1926 года арестован. Из Харькова его перевезли в Москву. Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ СССР епископа Феодосия (Ващинского) выслали на Урал сроком на три года...

В ссылке он пробыл не долго. Господь явил Свое чудо в досрочном освобождении владыки. Уже в феврале 1928 года он вышел на свободу и спустя непродолжительное время получил назначение — быть епископом Лужским, викарием Ленинградской епархии.

Занимая Лужскую кафедру, епископ Феодосий много потрудился над устройением церковной жизни. Он часто посещал приходы, в том числе в погранполосе (рядом проходила граница с Эстонией), везде, где мог, совершал богослужения...

Через год его перевели в Белоруссию. По благословению Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского) владыка Феодосий получил назначение на Могилевскую кафедру и уже 24 апреля 1929 года приехал в этот древний белорусский город.

До революции в Могилеве действовало 29 православных церквей. Имелись духовная семинария и духовное училище.¹¹ К началу 30-х годов XX столетия действующими оставались считанные церкви. Власти закрыли два прекраснейших кафедральных собора: Св. Иосифовский (Великий) и Спасский (Малый). Св. Воскресенский храм передали Могпромсоюзу. Св. Троицкий стали использовать «пад культурныя мэты».¹² Тогда же прекратились богослужения в Трехсвятительской церкви. В ней устроили клуб для рабочих хлебзавода.¹³

Сам Могилев в 20-е годы являлся одним из центров распространения обновленчества в Советской Белоруссии. До 1928 г. в нем имел свое местопребывание т.н. Бе-

лорусский Священный Синод, в котором председательствовали обновленческие «митрополиты», одновременно считавшиеся правящими «архиереями» Могилевской епархии.¹⁴ Посеянные ими в церковной жизни семена раздора давали знать о себе и на переломе 20-30-х годов. Очаги раскольнической деятельности сохранялись в близлежащих к Могилеву: Оршанском, Мстиславском, Чаусской и Рогачевском районах. С этими очагами и столкнулся в своей архипастырской деятельности епископ Феодосий.

Не только обновленцы вызывали у него неприятие, но также та часть белорусского духовенства, которая группировалась вокруг епископов Филарета (Раменского) и Николая (Шеметилло), занимавших две викарные кафедры Минской епархии: Бобруйскую и Слуцкую, и державшихся т.н. автокефальной ориентации. Рассматривая их наравне с обновленцами, владыка Феодосий, на наш взгляд, был не совсем к ним справедлив. Большинство духовенства Минской епархии вынужденно держалось автокефалии, оставаясь при этом на твердых позициях староцерковничества, и также, как епископ Феодосий, не принимало обновленчества, боролось с ним не на жизнь, а на смерть. Разделение между епископами Минской епархии и той частью Церкви, которую возглавлял митрополит Сергей (Страгородский), касалось, только вопроса о церковной юрисдикции. Конечно, это был важный вопрос, но сразу решить его однозначно архиереям и духовенству Минской епархии было крайне трудно по причине той смуты, которая охватила церковную жизнь в России. Для принятия решения необходимо было время...

На фоне борьбы с обновленцами и резкого неприятия автокефалистов протекало архипастырское служение владыки Феодосия (Ващинского) в Могилевской епархии.

Занятие им епископской кафедры в Могилеве совпало с началом компании по ограблению и уничтожению белорусского крестьянства, т.е. коллективизацией. Это,

однако, не повлияло на деятельность владыки Феодосия отрицательным образом, не запугало его, не заставило замолчать, наоборот, еще больше настроило епископа на смелое, нелицеприятное свидетельство о той Истине, которую сохраняла и сохраняет донныне Православная Церковь.

Разрушение деревни и многочисленные аресты, прокатившиеся в период коллективизации по Восточной Белоруссии, оказались чреватые тем, что некоторые священнослужители отказывались исполнять свои пастырские обязанности и подавали епископу Феодосию прошения, об увольнении. На таких прошениях владыка накладывал резолюции следующего содержания: «Лишается сана с предупреждением, что обратно принят никогда не будет, даже в том случае, если власть переменится».¹⁵ Писать так в то время мог человек, до конца преданный своим жизненным идеалам. Таким был владыка Феодосий.

Вскоре после вступления в управление епархией он разослал духовенству Могилевщины циркуляр, в котором предписывал в случае угрозы закрытия храмов забирать Св.Антиминсы и сдавать их ему. В те годы это также требовало известного мужества.

Прекрасный проповедник, епископ Феодосий часто прямо с амвона говорил о тех притеснениях, которым подвергалось духовенство со стороны властей, высказывался о непосильном налогообложении церквей, которое ставило священство на грань нищеты. Проповеди владыки производили очень сильное впечатление на верующих, и они нередко плакали, слушая их...

Стремясь присоединить к юрисдикции митрополита Сергия (Страгородского) местных автокефалистов, осенью 1932 г. епископ Феодосий дважды приезжал в Минск, где встречался с епископом Феофаном (Семеняко), придерживавшимся той же ориентации, что и он. Оба хотели привлечь на свою сторону епископа Филарета (Раменского), но безрезультатно...

Однажды посеяв вражду в местной Цер-

кви, ГПУ старалось ее искусственно разжигать. С этой целью компетентные органы иногда разрешали владыке Филарету совершать богослужения в пределах Могилевской епархии, что, естественно, раздражало епископа Феодосия. Как-то раз владыка Филарет служил в церкви с. Польшковичи, почти в Могилеве. По этому поводу владыка Феодосий справедливо возмущался: «Вот видите, — говорил он одному своему знакомому, — епископ Филарет приехал в Польшковичи из Минска, а я живу в 6-7 верстах, и мне власти не разрешили поехать служить...»¹⁶ Владыка Феодосий обращался к митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой лишить епископа Филарета сана, но понимая всю сложность сложившейся ситуации, митрополит Сергий это предложение отклонил.

В декабре 1932 г. владыка Феодосий имел встречу с обновленческим «архиепископом» Досифеем (Степановым), который самозачинно именовался «архиепископом» Мстиславским и Оршанским. Это был мятушийся и весьма нетвердый в своей жизненной позиции человек. Тем не менее, в результате длительной беседы епископ Феодосий сумел убедить Досифея в необходимости присоединиться к Православной Церкви. Вместе они поехали в Москву, где их принял митрополит Сергий (Страгородский). В разговоре с Митрополитом Досифей (Степанов) сказал, что перешел в обновленчество под давлением ГПУ. Было решено принять его в общение с Церковью в сане архимандрита и направить на служение в г. Владимир. Тогда же обсуждался вопрос о массовом переходе обновленческого духовенства Мстиславско-Оршанской и Гомельской епархий под омофор митрополита Сергия (Страгородского). Епископ Феодосий справедливо полагал, что если духовенство обновленческого толка узнает о присоединении к Церкви своего бывшего «архиепископа» Досифея, то за ним могут последовать и другие.¹⁷

К сожалению, выполнить намеченное удалось лишь отчасти. О действиях епископа Феодосия, направленных на преодоление

церковных разногласий, знали в ГПУ. Сотрудники этой организации меньше всего были заинтересованы в том, чтобы в Могилевской епархии вновь воцарились мир и согласие. Поэтому вскоре епископ Феодосий был арестован. Произошло это 28 февраля 1933 г.¹⁸

Незадолго до ареста в день празднования Крещения Господня, совершая богослужение в Св. Покровской церкви Могилева, при стечении примерно тысячи молящихся, владыка Феодосий произнес проповедь: «Дорогие братья и сестры! Наша Истинно-Православная Церковь в настоящее время находится в тяжелых условиях. Лучшие сыны нашей многострадальной Церкви из духовенства томятся в тюрьмах и ссылках. Оставшееся духовенство обременяется непосильными налогами. Нужно молиться и поститься, и Бог избавит нас от гонений и нападок со стороны безбожников. История Православной Церкви знает гонителей веры Христовой, но все они погибли в течение непродолжительного времени. Так будет и теперь».¹⁹

По «делу» епископа Феодосия было допрошено тринадцать человек из числа близкого к нему духовенства. Среди них не нашлось почти никого, кто бы не возвел напраслины на опального архиерея. Его оговорил Досифей (Степанов), оговаривали и другие... Это был какой-то ужас! Владыка оказался, словно Господь наш Иисус Христос на Голгофе. Один, совершенно один...

Протоиерей Василий Забелло, так, например, отзывался о своем архиерее: «Являясь благочинным и попом Кричевской церкви, и находясь под непосредственным руководством епископа Феодосия (Вашинского), я знаю, что последний являлся руководителем контрреволюционной организации церковников, ставившей своей целью вызвать восстание верующих против Советской власти весной 1933 года...»²⁰

В виду наветов подобного рода тем более замечательным представляется то, как свидетельствовал о себе на допросах сам вла-

дыка Феодосий: «Я как епископ Истинно-Православной Церкви, находясь в Могилевской епархии с 24 апреля 1929 года, всегда был энергичным и деятельным, всегда стоял на страже Православной Церкви. В результате моей деятельности Могилевская епархия на сегодняшний день имеет 23 благочиния и около 150-ти приходов, а кроме того 100 церквей не действующих из-за отсутствия кандидатов во священники... Я постоянно вел упорную борьбу с обновленцами, автокефалистами и иосифлянами... В своих проповедях с церковной кафедры я всегда выступал против безбожников. Под словом безбожники я понимал и понимаю «Союз воинствующих безбожников, который ведет борьбу с религией и духовенством. Я, как правящий архиерей, не мог не выступать против нападков, которым подвергалась и подвергается наша Православная Церковь... С целью возвращения отпавших от Церкви я посылал воззвания-разъяснения к обновленцам, и автокефалистам, чтобы они перешли к нам...»²¹

По независящим от него обстоятельствам епископ Феодосий не успел полностью ликвидировать обновленческий раскол в Могилевской епархии. Но он всеми силами стремился к этому. Коллизии жизни оказались сильнее его, не позволив ему осуществить то, что он намечал.

Разбиравшие его «дело» чекисты так и не смогли сломить владыку, добиться от него каких-либо показаний, уличивших бы последнего в мнимой антисоветской деятельности. Ему предъявили обвинение в создании «контрреволюционной церковно-повстанческой организации», что являлось абсолютной фикцией. Владыка Феодосий попал в сферу особо мощной волны репрессий, захлестнувшей духовенство Советской Белоруссии весной 1933 г. Именно в это время органами НКВД БССР были арестованы: «архиепископ» — обновленец Михаил (Постников) из Витебска, епископ автокефальной ориентации Николай (Шеметилло) из Слуцка и обновленческий «епископ» Савватий (Засимович), проживавший в Слуцке. Следственное дело, воз-

бужденное против названных лиц, получило нелепое название «Иезуит». Всего 78 человек, из них 48 священнослужителей, проходило по этому «делу».²²

Во время последнего допроса епископ Феодосий был столь же непреклонен, как и сразу же после ареста. «Суммируя свои прежние показания, — заявил он тогда, — уточняю, что я, как епископ Могилевской епархии, последние четыре года вел беспощадную борьбу с безбожниками, еретиками, раскольниками и со всякими заблуждениями в области веры и нравственности, откуда бы они не исходили. И, пока я жив, то как православный епископ, буду разъяснять и вести борьбу с безбожниками и всякими заблуждениями, и совесть свою не намерен продать, ибо я не обновленец, не раскольник».²³

Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 9 июня 1933 г. епископ Феодосий был приговорен к 5 годам заключения в концлагере.

Незадолго до ареста указом митрополита Сергия (Страгородского) его назначили на новую кафедру: Кубанскую и Краснодарскую. Но выехать туда владыка Феодосий уже не смог...

Последние упоминания о епископе Феодосии относятся к 1937 г. Он находился в заключении на Дальнем Востоке, в Комсомольске на Амуре. Вместе с ним крест лагерных уз нес иеромонах Никон (Воробьев), до ареста, последовавшего в апреле 1933 г., служивший в Св.-Николаевской церкви Козыревского предместья в Минске. Господь судил ему пережить гонения 30-х годах и в дальнейшем стать известным духовником. Сегодня широко известно собрание писем игумена Никона (Воробьева) к его духовным чадам (последнее издание этих писем вышло под названием «Нам оставлено покаяние» М. 1997 г.) Когда еще совсем молодого о. Никона освобождали из заключения, епископ Феодосий выдал ему своеобразное удостоверение, в котором говорилось: «Предъявитель сего иеромонах Никон, в

миру Николай Николаевич Воробьев... в верности заветам Святой Православной Церкви тверд, в Слове Божьем и святоотеческой литературе весьма начитан, жизни и образа мыслей строго православно-христианского. Крест уз лагерных нес терпеливо, без уныния и скорби, подавая своею жизнью добрый пример всем его окружающим. С пользой для Православной Церкви может быть использован как приходской пастырь и даже как ближайший верный сотрудник епархиального святителя, что удостоверяю».²⁴ Этот документ датирован 19-м января 1937 года...

Находясь в заключении, владыка Феодосий не пал духом, не растерялся, не изменил своим жизненным убеждениям. Как отмечали чекисты, он «поддерживал связь с сокамерниками, бывшими служителями культа, которые, будучи в заключении, подчинялись ему при выполнении тех или иных религиозных обрядов. Считали его старшим духовным лицом». Более того, «Ващинский высказывал сожаление о том, что все меньше и меньше остается верующих, закрываются церкви, священникам стало трудно жить».²⁵

Подобные настроения и тот авторитет, которым владыка Феодосий пользовался среди томившегося в заключении духовенства, власти конечно же, простить не могли. Решением Особой Тройки УНВД Дальневосточного края от 11 сентября 1937 г. епископа Феодосия приговорили к расстрелу. После этого в нечеловеческих условиях его продержали в лагере еще сорок дней. 22-го октября того же зловещего года он был убит, приняв мученическую смерть за веру в Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

Преемником Феодосия (Ващинского) на овдовевшей Могилевской кафедре стал архиепископ Павлин (Крошечкин), в августе 1933 г. приехавший в Белоруссию.

В книге «Их страданиями очистится Русь» (изданной в Москве в 1996 г.) о его жизни рассказывается достаточно ярко и содержательно. Поэтому мы не будем пе-

рассказывать то, что хорошо известно. Скажем только, что владыка Павлин был очень добрым и милостивым архипастырем. До приезда в Могилев он занимал кафедры в Рыльске, Перми и Калуге. Его особенно любили верующие из простого народа. Именно епископу Павлину был поручен сбор архиерейских подписей в пользу избрания Митрополита Кирилла (Смирнова) Патриархом, который пресекли власти. В Могилеве новоприбывший владыка «быстро приобрел общую любовь и благоговейное уважение со стороны священнослужителей и мирян».²⁶

Наглядным подтверждением глубокой любви к нему православных жителей Могилева являются недавно переданные нам воспоминания, долгие годы сохранявшиеся в благочестивой семье Игнатия Петровича и Иулиании Васильевны Ситниковых, у которых этот замечательный архипастырь снимал квартиру во время занятия им Могилевской кафедры.

В семье Ситниковых было четверо детей: Андрей, Петр, Лидия и Валентина, пользовавшихся постоянным вниманием могилевского Святителя. Он очень полюбил их и «никогда не возвращался домой не угостив малышня». В доме, где жил владыка, отсутствовал водопровод, и по утрам детвора помогала ему умываться, поливая воду из кружки на руки.

В благодарность за оказанный Ситниковыми приют (а в те годы это было небезопасно) Святитель Павлин подарил этой семье свою фотографию, изображающую его в архиерейском облачении, с надписью на обороте: «На святую и молитвенную память боголюбивым моим хозяевам Игнатию Петровичу и Иулиании Васильевне и деткам их: Андрею, Петру, Лидии и Валентине Ситниковым — от Павлина, Архиепископа Могилевского. Да благословит Господь дом Ваш. А.П.».

Но самой важной реликвией, которую владыка вручил им, стало напрестольное Евангелие (1868 г. изд.), которое дети Ситниковых свято сберегли в продолже-

ние последующих 60-ти лет, передав затем на хранение нынешнему Могилевскому архипастырю Высокопреосвященнейшему Максиму.²⁷

Святитель Павлин (Крошечкин) совсем не долго пробыл в Белоруссии, но он также, как и Феодосий (Ващинский), много потрудился над разрешением сложной проблемы устранения разногласий в местной церковной жизни. Действовать приходилось уже значительно осторожнее. Приближался 1937 год. НКВД через свою агентуру тщательно следило за всяким движением представителей различных церковных течений к объединению, расценивая подобные стремления, как попытку создания мифического «церковного контрреволюционного блока» Поэтому Св. Павлин старался быть очень осмотрительным. Арестованный вместе с ним свящ. Павел Кернажицкий на допросе 9 октября 1935 г. рассказывал, что владыка проводил свою работу «настойчиво и полугегельно, кабинетным путем обрабатывая отдельных священников и присоединяя их к Патриаршей ориентации. В последнее время он таким путем присоединил ряд лиц из обновленчества... а так же и из автокефалии».²⁸ Для того, чтобы облегчить процесс воссоединения Св.Павлин его упростил. Если раньше каждый из присоединявшихся всенародно отрекался в храме от своей бывшей юрисдикции, то теперь, совершалась только исповедь.²⁹

Вскоре, вероятнее всего через своего послушника Серафима Кротова, Св. Павлин сумел провести тайные переговоры с епископом Бобруйским Филаретом (Раменским), договорившись об упразднении автокефалии. Об этом он составил докладную записку на имя митрополита Сергия (Страгородского) и отправил ее в Москву. Каким-то образом о рапорте Св. Павлина узнали в НКВД. Когда владыку арестовали, главное обвинение, предъявленное ему, заключалось в том, что он вел работу по созданию т.н. «единого церковного контрреволюционного блока».

В протоколе допроса за 8 октября 1935 г,

вычитывается интересный диалог, происшедший между архиепископом Павлином (Крошечкиным) и следователем. Обратимся к протоколу.

«**Вопрос:** Признаете ли Вы себя виновным в том, что Вами в контрреволюционных целях проводилась организационная и практическая работа по созданию единого церковного контрреволюционно блока?»

Ответ: Виновным себя в этом не признаю.

Вопрос: Как же можно расценить Ваше обращение к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя о присоединении к Вам Белорусской Автокефальной Церкви, как не попыткой создания такого блока?»

Ответ: Мое обращение к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя было вызвано исключительно религиозной заботой о спасении запрещенного епископа Филарета и его верующих.

Вопрос: Вы это делали по просьбе епископа Филарета, возглавляющего в Белоруссии Автокефальную Церковь?»

Ответ: Нет, я это делал по своей личной инициативе и как свое мнение.

Вопрос: Что Вас побудило обратиться в Москву о присоединении Автокефальной Церкви, раз Вы на это не имели согласия епископа Филарета?»

Ответ: Религиозная забота о епископе Филарете». ³⁰

Не желая выдавать епископа Филарета, Св. Павлин сделал вид, что рапорт митрополиту Сергию (Страгородскому) был составлен им без всякого обсуждения с этим архиереем. Чего, конечно же, быть не могло, и это понимали в НКВД. Но архиепископ Павлин остался непреклонен и ни единым словом не выдал епископа Филарета (Раменского), зная его малодушие.

Один из допросов Св. Павлина был произведен 28 ноября 1935 года.

Вот выдержка из него:

«**Вопрос:** Говорили ли Вы с митрополи-

том Сергием об объединении всех церковных ориентаций в БССР?»

Ответ: В 1934 г. я говорил Сергию, что если бы епископ Филарет покаялся, то хорошо было бы его принять в Патриаршую Церковь.

Вопрос: Что на это Вам сказал Сергий?»

Ответ: Сергий мне сказал, что дело в Филарете.

Вопрос: Велось ли Вами разговоры с епископом Филаретом о его покаянии и присоединении к Патриаршей Церкви?»

Ответ: Никакие переговоры на эту тему с Филаретом не велось.

Вопрос: Чем же тогда вызвана Ваша докладная записка на имя Сергия о присоединении к Патриаршей Церкви Белорусской Автокефалии во главе с епископом Филаретом?»

Ответ: Желанием спасения Филарета и его паствы от запрещения.

Вопрос: В Вашем ответе явное противоречие. Ведь, Сергий Вам сказал, что дело в Филарете, а Вы, не спрашивая Филарета, пишете докладную записку с ходатайством о его присоединении: как же это объяснить?...» ³¹

На этот вопрос от архиепископа Павлина (Крошечкина) в НКВД так и не получили ответа. Он остается загадочным и для нас. Кроме достаточно убедительного предположения об упразднении автокефалии, в 1927 г. возникшей в Минской епархии, мы мало что можем сказать о тех событиях, которые сопутствовали ее ликвидации. Как всё происходило конкретно — покрыто таинственной завесой истории, современники которой далеко не все доверяли письменному слову из своих чаяний и дел.

Лишенный свободы 2 октября 1935 г., Св. Павлин более шести месяцев находился в предварительном заключении, сначала в Могилеве, а потом — в Минске.

Выездной сессией Специальной Судебной Коллегии Верховного Суда БССР, состоявшейся в Минске 19-21 апреля 1936 г., его приговорили к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. ³²

Он томился в Ново-Ивановском отделении Сиблага НКВД. Постановлением Особой Тройки Управления НКВД Западно-Сибирского края от 28 октября 1937 года архиепископа Павлина (Крошечкина) решили расстрелять. Святитель был убит 3 ноября того же года...³³

На Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, 13-16 августа 2000 г. прошедшем в Москве в храме Христа Спасителя, владыка Павлин был прославлен в сонме новомучеников и исповедников, в XX ст. за веру Христову пострадавших.

Последним, кто занимал Могилевскую кафедру в довоенный период, явился епископ Александр (Раевский).

Это был необычный человек, прошедший большую школу жизни. Он родился 13 февраля 1868 г. в Екатеринославской губернии в семье священника. В 1888 г. окончил духовную семинарию, затем — три курса Киевской Духовной Академии. О его служении до революции пока ничего неизвестно. Сан епископа он принял в возрасте 54-х лет (26 января 1923 г.), после чего занял кафедру в Севастополе. В то время активно распространялось обновленчество. Епископ Александр (Раевский) также пережил увлечение этим новым течением. Однако уже в 1924 г. он принес покаяние, был принят в сущем сане и назначен епископом Керченским.

В последующем владыка Александр окормлял целый ряд кафедр: Таврическую (Крым), Рильскую (Курская епархия), Кустанайскую (Казахстан), Сухиничскую (Смоленская еп-я), Златоустовскую (Свердловская еп-я), Каменск-Шахтинскую (Донская еп-я), Бакинскую, Елабужскую (Казанская еп-я), опять Кустанайскую, Актюбинскую, Петропавловскую (Омская еп-я), и наконец, с октября 1936 г. по сентябрь 1937 г. — Могилевскую.³⁴

Столь частые смены кафедр происходили от того, что владыка Александр был гоним властями. Как видно из следственно-

го дела, которое на него завели, арестовав в Могилеве, он имел независимый, сильный характер, и это им не нравилось.

Во время допросов епископ Александр (Раевский) не оговорил ни единого человека. Протоколы его допросов поражают той непоколебимостью, с которой он свидетельствовал о своей непричастности к политическим заговорам.

Приведем выдержку из допроса владыки от 6 октября 1937 г.:

«Вопрос. Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении в контрреволюционной деятельности?

Ответ: В предъявленном мне обвинении я себя виновным не признаю, т.к. я никогда в контрреволюционной организации не состоял и никакой контрреволюционной деятельностью не занимался.

Вопрос: Вы показываете неправду. Следствию известно, что приехав в Могилев, Вы по поручению Московской Патриархии связались с членами контрреволюционной организации, оставшимися на свободе после ареста бывшего епископа Крошечкина, и совместно с ним проводили организационную деятельность против Советской власти. Дайте показания по существу.

Ответ: Никаких членов контрреволюционной организации из духовенства я не знаю, и никакой контрреволюционной деятельности я не организовывал.

Вопрос: Вы опять говорите неправду. Вы не только связывались с оставшимися на свободе членами к/р организации, но сразу же после своего приезда в Могилев занялись вербовкой новых членов к/р организации. Настаиваем на даче правдивых показаний.

Ответ: Категорически отрицаю. Никакой вербовкой членов к/р организации я не занимался и вообще о существовании какой бы то ни было к/р организации в Могилеве мне не известно...»³⁵

В подобном духе допрос продолжался несколько часов, но владыка так и не признал себя виновным в тех глупостях, которые ему старались инкриминировать.

Заседанием Особой Тройки НКВД БССР от 31 октября 1937 г. епископа Александра (Раевского) приговорили к расстрелу. 3 декабря т.ж. года приговор привели в исполнение...³⁶

Мученический и исповеднический подвиг трех могилевских Святителей, о котором мы вкратце постарались рассказать уважаемой аудитории, должен послужить всем нам бесценным примером того, насколько созидательна для души человеческой может быть та Истина, о которой свидетельствует Церковь Христова. Прежде всего, живая вера в Господа, а не философские спекуляции и различного рода околоцерковные умствования, дала этим святителям силу даже в самых трудных обстоятельствах жизни остаться людьми. Их подвиг соединяет нас с тем временем, проблемы которого отражаются и в нынешний церковной жизни, проецируются также на будущее. В этом свете их жизнь достаточно актуальна и поучительна. Поэтому очень хотелось бы, чтобы к лику святых угодников Божьих были причислены все три могилевских архипастыря. «Ниже вжигают светильник и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храме суть» (Мф. 5; 15).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прот. Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Мн. 2001. С.161, 162, 181, 182.

² Там же. С.185.

³ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. Москва. 1994. С.995; Лев Регельсон. Трагедия Русской Церкви. М.1996. С.543; Прот. Владислав Цыпин. История Русской Церкви. М. 1997. С.766.

⁴ Игумен Никон (Воробьев). Нам оставлено покаяние. Письма. М.1997.С.28.

⁵ Предисловие к кн.: прот. Михаила Буглакова. Преосвященный Георгий, архиепископ Могилевский. Мн. 2000. С.6.

⁶ Их страданиями очистится Русь. М. 1996. С.77.

⁷ Прот. Николай Доненко. Наследники Царства. Симферополь. 2000. С.345.

⁸ Центральный Архив КГБ РБ. Дело 27605-с. Т.1. Л.415-415-об.

⁹ Там же. Л. 416.

¹⁰ Прот. Николай Доненко. Наследники Царства. Симферополь. 2000. С.345.

¹¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб. 1905. Т. 9. С.478.

¹² Магілёўская даўніна ў пытаннях і адказах. Магілёў. 1999. С.163.

¹³ Там же.

¹⁴ Архив автора. Краткие исторические записки об обновленческом движении в Белорусской Церкви. Л.5.

¹⁵ ЦА КГБ РБ. Д.27605. Т.1.Л. 131-об.

¹⁶ Там же. Л.140.

¹⁷ Там же. Л.160-160-об.

¹⁸ Там же. Л.12.

¹⁹ Там же. Л.167.

²⁰ Там же. Л.379.

²¹ Там же. Л.163-об.

²² ЦА КГБ РБ. Д.27605-с. Т.1-5.

²³ ЦА КГБ РБ. Д.27605-с. Т.1. Л.419.

²⁴ Игумен Никон. Нам оставлено покаяние. М.27-28.

²⁵ ЦА КГБ РБ. Д.27605-с. Т.5. Л.24-25.

²⁶ Их страданиями очистится Русь. С.229.

²⁷ Архив автора. Воспоминания Ситниковых.

²⁸ Архив УКГБ по Могилевской области. Д.9394-сн.Т.2. Л.313-313-об.

²⁹ Там же. Л.304.

³⁰ Там же. Л.169.

³¹ Там же. Л.175.

³² Архив УКГБ по Могилевской области. Д.9394-сн.Т.3. Л. 629.

³³ Архив УКГБ по Могилевской области. Д.9394-сн.Т.4. Л.91-об.

³⁴ Иерей Феодор Кривонос. Александр (Раевский Александр Семенович)— Православная Энциклопедия. М.2000. Т.1. А-ал. С.501.

³⁵ Архив УКГБ по Могилевской области. Д.13226-сн. Л.97.

³⁶ Архив УКГБ по Могилевской области. Д.13226-сн. Л.115.